

О. Э. ТЕРЕХОВ

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР И «КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ

В статье на примере концепций «прусского социализма», цезаризма и критики демократии Освальда Шпенглера рассматривается интерпретация и оценка западногерманскими историками роли его социально-политических идей в развитии идеологии «консервативной революции».

Ключевые слова: Освальд Шпенглер, «консервативная революция», историография ФРГ.

Особенностью современной западной и отечественной историографии стало возрастание интереса к такому европейскому идейному феномену прошедшего столетия, как «консервативная революция», особенно ее немецкому варианту периода Веймарской республики. Впрочем, феномен «консервативной революции» всегда присутствовал в духовной и политической жизни послевоенной Европы. Вклад её видных представителей в различные сферы западной культуры XX столетия настолько весом, что, занимаясь проблемами истории идей, истории философии, политологии, социологии невозможно игнорировать их труды. В политическом отношении идеологемы «консервативной революции» оказывают влияние на правоконсервативные силы в ФРГ, «новых правых» во Франции, итальянских неонацистов. С момента выхода в 1950 г. первого издания классического труда Армина Молера «Консервативная революция в Германии 1918–1932 гг.»¹ проблематика «консервативной революции» прочно вошла в число наиболее дискуссионных проблем европейской гуманитарной мысли².

Феномен «консервативной революции» возник в Германии на пике общественно-политического кризиса 1918/1919 гг. Поражение кайзеровского рейха в первой мировой войне, Ноябрьская революция, учреждение демократической Веймарской республики, Версальский мирный договор нарушили устоявшийся жизненный уклад немецкого общества и перевернули общественные представления немцев. В условиях краха

¹ Mohler. 1950.

² Назовем лишь ряд значительных западногерманских публикаций: Sonthheimer. 1992 (1 изд. 1961 г.); Klemperer. 1962 (1 изд. – на англ. яз. в 1957 г.); Gerstenberger. 1969; Breuer. 1993; Sieferle. 1995; Pfahl-Traugher. 1998; Bussche. 1998.

идеологии германского консерватизма кайзеровского эпохи начинается раскол среди германских консерваторов. Представители молодого и частично среднего поколения немецких консерваторов выступили против возвращения к традиционной консервативной идеологии и политике, что привело к возникновению идеологии «консервативной революции», идейные предпосылки которой формировались еще до войны.

«Консервативная революция» была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера. Четко очертить ее идейные и политические границы едва ли возможно, так как она не обладала программным и политическим единством. Ее деятели стремились обновить германский консерватизм и придать ему современный и динамичный характер. К числу характерных черт «консервативной революции» обычно относят: национализм, антилиберализм, противопоставление немецкого народного духа и немецкой культуры ценностям западной цивилизации, поиск особого пути исторического развития Германии в русле «немецкого (прусского) социализма», идею корпоративного государства, бескомпромиссную борьбу против веймарской демократии и республики. Эти черты делали «консервативную революцию» родственной национал-социализму – другому течению радикального германского консерватизма периода Веймарской республики. «Консервативные революционеры» отвергали парламентский путь достижения своих целей и считали, что они могут быть достигнуты только революционным способом. Им грезилась новая истинно «немецкая революция», которая возродит Германию. «Консервативная революция» представляла собой причудливую смесь из национальных мифов, острой критики буржуазно-либерального общества, витализма и иррационализма, культурпессимизма и политического романтизма и в то же время обладала ясным пониманием невозможности удержать традицию в рамках добуржуазных общественных и экономических структур. Образно говоря, «консервативная революция осталась в истории последним ярким явлением немецкого романтизма»³. К числу видных протагонистов «консервативной революции» относят: Артура Мёллера ван ден Брука, Эрнста Юнгера, Карла Шмитта, Эдгара Юлиуса Юнга, Ганса Церера и ряд других деятелей периода Веймарской республики.

Фигура Освальда Шпенглера (1880–1936) является одной из ключевых для понимания метафизической и идейной сущности немецкого «революционного консерватизма». В научном и публицистическом наследии Шпенглера отразились все перипетии и этапы интеллектуальной

³ Сендеров. 2007. С. 133.

эволюции германского консерватизма первой трети XX в. Шпенглер чутко улавливал малейшие колебания консервативной мысли Германии и талантливо их интерпретировал. В его трудах зримо отразились тиктанические сдвиги в идеологии немецкого консерватизма на переломе эпох германской истории, пережившей за короткое время кайзеровский рейх, Веймарскую республику, Третий рейх.

Переход Шпенглера после 1918 г. на позиции «революционного консерватизма», что в итоге позволило ему стать одним из его ведущих идеологов, не был случаен. Уже в первом томе «Заката Европы» (1918), написанном в годы первой мировой войны, он, с позиции немецкого консерватора, выстраивает грандиозную философско-историческую концепцию развития человечества, в основе которой находилась одна из центральных идей немецкой гуманитарной мысли – идея борьбы цивилизации и культуры. Шпенглер, следуя традиции консервативной критики цивилизации, утверждал, что переход к цивилизации в политическом отношении есть переход от сословного порядка к современному массовому обществу, парламентской и партийной демократии. Парламентская демократия стала формой распада сословного порядка, сторонником которого являлся Шпенглер⁴.

Шпенглер как консерватор выступал за сохранение традиций, но его консерватизм был иного рода, чем традиционный немецкий консерватизм кайзеровской эпохи. Он прекрасно понимал, что старые традиции в его эпоху были уже в значительной мере утрачены, и связь поколений нарушена. Традиции уступили место индивидуализму классов, слоев, индивидов. Как и консерваторы XIX в., Шпенглер рассматривал общество как органическое целое, однако существенным отличием его представлений об обществе от традиционного консерватизма является отсутствие опоры на религию. Шпенглер являлся последователем Ницше, провозгласившим, что «Бог умер». Шпенглер отрицал влияние церкви на процесс формирования государственной политики. По его мнению, государство основывается на принципе «воли к власти» и не нуждается ни в какой-либо божественной санкции.

Будучи убежденным сторонником идеи несовместимости немецкой культуры с западной цивилизацией, Шпенглер отверг итоги Ноябрьской революции в Германии. Учреждение буржуазно-демократической Веймарской республики казалось ему предательством исторических, культурных и национальных традиций германской государственности. Первая мировая война завершилась национальным крахом Германии, и

⁴ *Felken*. 1988. S. 114-116.

страной овладела, по знаменитому выражению Шпенглера из «Пруссачества и социализма», «внутренняя Англия». Ситуация была отягощена внешнеполитическим диктатом держав-победительниц. Создавшиеся условия побудили Шпенглера обратиться к политической публицистике.

В числе значительных политико-публицистических сочинений Шпенглера, написанных им в веймарский период и сыгравших значительную роль в формировании и развитии идеологии «консервативной революции»: «Пруссачество и социализм» (1919 г.)⁵, «Новое здание немецкой империи» (1924 г.)⁶, «Годы решений» (1933 г.)⁷. В его политическом эссе «Пруссачество и социализм» (1919 г.) были заявлены основные идеи и мотивы формирующегося «консервативно-революционного» движения, о чем Шпенглер впоследствии не без гордости писал⁸.

Помимо публицистики Шпенглера важное значение для становления политической философии «консервативной революции» имеет второй том «Заката Европы» (1922 г.), в котором Шпенглер от сравнительного описания культур перешел к стадии метафизического осмысления вопросов политического и социального бытия в своей философско-исторической концепции⁹.

Неоднозначная роль Шпенглера как идеолога «консервативной революции», тесная взаимосвязь и взаимозависимость его философско-исторических и политических взглядов обусловили пристальный интерес исследователей к идейному наследию одного из крупнейших немецких интеллектуалов XX века¹⁰. Особенно это было актуально для гуманитарной мысли ФРГ, в которой в рамках концепции «преодоления прошлого», исследовались различные идейно-политические практики, связанные с преодолением национал-социалистического прошлого.

Авторы сборника «Шпенглер сегодня», вышедшего в год столетнего юбилея мыслителя, не могли не затронуть его политические взгляды¹¹. Специалист по истории политической философии Герман Люббе отмечал значительное политико-экзистенциальное воздействие идей Шпенглера на немецкую публику, особенно на правоконсервативный лагерь. Это воздействие в конечном итоге было направлено против сис-

⁵ Последнее рус. переиздание: *Шпенглер*. 2002.

⁶ *Spengler*. 1924.

⁷ Рус. перевод: *Шпенглер*. 2006.

⁸ *Spengler*. 1933. S. VII.

⁹ Рус. перевод: *Шпенглер*. 1998.

¹⁰ Среди отечественных исследований творчества Шпенглера необходимо отметить: *Давыдов*. 1983; *Патрушев*. 1995; *Афанасьев*. 2009; *Артамошин*. 2009.

¹¹ *Spengler heute*. 1980.

темы парламентской демократии Веймарской республики¹². По мнению Любе, актуальность идейно-политического наследия Шпенглера выражается, по мнению Люббе, длительным воздействием на немецкое общество последствий краха Веймарской республики. Шпенглер относится к числу тех авторов, которые в полной мере выразили кризис своего времени: «Существует немного авторов межвоенного периода, в произведениях которых так наглядно бы отразились идеологические перипетии этого периода»¹³. «Практическая направленность текстов Шпенглера – политизация сознания читающей публики, констатирует Люббе, называя Шпенглера «публицистическим гением необычного ранга»¹⁴.

Хорст Мёллер писал: «В своих сочинениях после первой мировой войны Шпенглер связал философско-историческую критику современности с предчувствием нового века»¹⁵. По его мнению, Шпенглер лучше, чем творцы Веймарской конституции, понимал разницу между конституционным правом и той действительностью, на которую примеряют это право¹⁶. Характеризуя влияние политических сочинений Шпенглера на общественное сознание Веймарской республики, он риторически вопрошает: какой же должен быть уровень политической культуры Германии, если призывы к диктатуре мыслителей такого ранга, как Шпенглер или Шмит, были услышаны и поддержаны в широких кругах¹⁷.

Западногерманские исследователи неоднократно отмечали консервативный характер философии истории Шпенглера и ее прямую связь с его философией политики. Мёллер писал по этому поводу: «Политические сочинения Шпенглера воспринимаются как выражение главных политических и духовных проблем послевоенного времени и, одновременно, как актуальные парафразы его необычно сенсационного и волнующего главного труда»¹⁸. Детлеф Фелькен подчеркивал, что вопрос о принципах философии Шпенглера, ее методологических и мировоззренческих основах является основным для анализа и оценки места его философии истории в русле философской традиции и духовной ситуации времени. Подобные анализ и оценка возможны только в контексте современной Шпенглеру идеологии¹⁹. Сам Шпенглер недвусмысленно

¹² *Lübbe*. 1980. S. VIII.

¹³ *Ibid.* S. VIII.

¹⁴ *Lübbe*. 1980. S. 4, 6.

¹⁵ *Möller*. 1980. S. 50.

¹⁶ *Ibid.* S. 64.

¹⁷ *Ibid.* S. 69.

¹⁸ *Ibid.* S. 51.

¹⁹ *Felken*. 1988. S. 49.

указывал на то, что замысел «Заката Европы» возник из очерка 1911 г. написанного им как отклик на текущие политические события²⁰.

В центре философии политики Шпенглера находилось его понимание государства, критика либерализма и демократии, теория цезаризма. Шпенглер в своем понимании либерализма и демократии исходил из собственной философско-исторической концепции о переходе культуры в цивилизацию. По мере наступления цивилизации общество делится на две группы. Одна – стремится сохранить веками наработанные исторические традиции. Другая – разрушить их. Так появляются две партии: либеральная и консервативная²¹. Либеральная партия представлена буржуазией²². В условиях цивилизации основой политики становится партийная деятельность, «существует только одна партия, партия буржуазии, либеральная»²³, а либерализм, по Шпенглеру, означает «государство само по себе и каждый сам по себе»²⁴.

Важнейшие элементы политической философии Шпенглера – критика демократии и теория цезаризма. Он считал, что демократия и парламентаризм – прямое порождение либерализма с его политическим доктринерством и культом денег. В конечном итоге «с помощью денег демократия уничтожает саму себя – после того как деньги уничтожили дух»²⁵. Шпенглер характеризует заключительную стадию существования государства в эпоху цивилизации как цезаризм. «Цезаризмом я называю такой способ управления, который, несмотря на все государственно-правовые формулировки, вновь совершенно бесформен по своему внутреннему существу», – гласит его знаменитое определение цезаризма²⁶.

Касаясь оценки парламентаризма как выражения интересов политических партий и определенных групп населения, Шпенглер полагал, что парламентаризм – это краткий переход к цезаризму. Парламентаризм – феномен фаустовской культуры и, прежде всего английской политической культуры и истории. Шпенглер считал, что Германия в силу особенностей исторического развития не могла принять парламентскую форму правления. «Парламентаризм в Германии – или бессмыслица, или измена», – писал он в «Пруссачестве и социализме»²⁷.

²⁰ Шпенглер. 1993. С. 183.

²¹ Афанасьев. 2009. С. 333.

²² Шпенглер. 1998. С. 476.

²³ Там же. С. 477.

²⁴ Шпенглер. 2002. С. 56.

²⁵ Шпенглер О. 1998 С. 494.

²⁶ Там же. С. 459.

²⁷ Шпенглер. 2002. С. 87.

Карин Экерманн в своей основательной диссертации о Шпенглере и влиянии его взглядов на развитие гуманитарной и политической мысли XX в. писала, что «в концепции Шпенглера власть возникает как противоположность культуре, а политика становится высшим проявлением виталистского напора в самоутверждении властной экспансии»²⁸. Экерманн считала, что в учении Шпенглера особенности государственного строя определялись особенностями народа или культуры. В соответствии с этим Шпенглер понимал государство как органический индивидуум, в котором единичная воля подчинялась воле общей²⁹.

Гарантом стабильного развития государства выступал его авторитет, который зависел не от наличия или отсутствия конституции, а от работы правительства. Постоянство и безопасность политического руководства, в свою очередь, гарантировались наличием вождя, обладавшего государственным инстинктом³⁰. Вождь непременно должен происходить из элиты. По Шпенглере, из дворянства. Он был убежден в природном происхождении патриархальных и феодальных форм господства³¹.

Согласно Экерманн, Шпенглер, основываясь на концепции аристократического и иерархического понимания государства и власти, критиковал демократию и парламентаризм. Он описывал историю возникновения и развития принципов демократии как возрастающий протест третьего сословия³². «Так как для Шпенглера государственная мысль была тесно связана с личностью вождя, демократические формы правления он понимал как проявление деградации»³³. Критика Шпенглером принципов парламентской демократии основана прежде всего на его прорицании политического упадка западного общества. Демократия это начало упадка и гибели. При переходе от культуры к цивилизации буржуазия становится солидарна с «массой» в требовании о введении всеобщего избирательного права³⁴. В интерпретации Экерманн, Шпенглер понимал демократию как политическую форму, которая возникает не из органических основ жизни и культуры, а появляется в результате абстрактных представлений о праве и справедливости, что изначально приводит к противоречию между духом закона и реальностью³⁵.

²⁸ *Eckermann*. 1980. S. 40.

²⁹ *Ibid.* S. 40.

³⁰ *Ibid.* S. 41.

³¹ *Ibid.* S. 42.

³² *Ibid.* S. 44.

³³ *Ibid.* S. 45.

³⁴ *Ibid.* S. 48.

³⁵ *Ibid.* S. 53.

Рассматривая отношение Шпенглера к Веймарской республике, Экерманн полагает, что оно соответствовало его консервативным представлениям о значении в истории сильного государства. В соответствии с этой позицией Шпенглер негативно оценивал парламентскую республику как форму крайнего выражения партийных и политических противоречий³⁶. Но Экерманн также отметила и амбивалентность отношения Шпенглера к политическим партиям, которые он признавал и не признавал одновременно. Во-первых, Шпенглер, по ее мнению, надеялся на появление сильной личности из партийной среды. Во-вторых, в общественно-политических условиях Веймарской республики он отрицал только те партии, которые стремились подчинить государство своим партийным интересам. Но он признавал партии, которые выступали с национальных и патриотических позиций³⁷.

Экерманн утверждает, что в развитии принципов массовой демократии Шпенглер усматривал опасность ее превращения в диктатуру цезаристского типа. Его критика демократии основывалась на вере в природное происхождение вождизма, убежденности в метафизической обусловленности «воли к власти», апелляции к идее сословного государства и мысли о том, что демократическая форма правления является провозвестником всеобщего политического распада³⁸.

В 1988 г. была опубликована книга Детлефа Фелькена «Освальд Шпенглер: консервативный мыслитель между кайзеровской империей и диктатурой»³⁹. С ее выходом в западной гуманитарной мысли начинается новая волна интереса к интеллектуальному наследию Шпенглера, позволившая в конечном итоге говорить о своеобразном шпенглеровском ренессансе. По словам ведущего итальянского шпенглероведа Массимо Феррари Цумбини – «это первая современная монография в истинном смысле этого слова»⁴⁰. Главным достоинством книги Фелькена Цумбини считал то, что автор впервые рассмотрел Шпенглера не как некоего провидца и пророка, а поставил вопрос о непосредственных источниках его философско-исторических и политических взглядов.

Фелькену удалось связать воедино все грани интеллектуального наследия Шпенглера и, самое главное, комплексно рассмотреть генезис научных и политических взглядов этого «Нестора» послевоенного по-

³⁶ Ibid. S. 86.

³⁷ Ibid. S. 86-87.

³⁸ Ibid. S. 74.

³⁹ Felken. 1980.

⁴⁰ Zumbini. 1999. S. 12-13.

коления. До Фелькена в полной мере сделать это не удавалось никому⁴¹. Само название монографии свидетельствовало о том, что автор сумел выявить основополагающий мотив идейных исканий немецкого мыслителя. Основываясь на обширном корпусе источников Фелькен показал взаимообусловленность философско-исторических и политических взглядов Шпенглера и отметил значимость его трудов для формирования и развития идеологии «консервативной революции». Особенно интересна мысль Фелькена о том, что публицистика Шпенглера от «Прусачества и социализма» до «Годов решений» является важнейшим источником идейной эволюции немецкого консерватизма в Веймарской республике в национал-социалистическое мировоззрение. Трансформация политических взглядов Шпенглера демонстрирует, как далеко «консервативные революционеры» удалились от своих изначальных идеалов⁴². Фелькен усматривает значение творческого и идейного наследия Шпенглера в том, что он, как никто другой, выразил дух своей эпохи. «В этом заключается его долговременное историческое значение, но также и границы его актуальности»⁴³. Рассматривая концепцию государства у Шпенглера, Фелькен подчеркивает, что тот понимал общественную структуру как комплексную систему, основанную на сословном порядке, ее разрушение казалось ему важным признаком начала декадентства в политике. Приверженность Шпенглера к идее органического происхождения государства и принципу историзма привела его к отрицанию демократии, проявившемуся уже в «Закате Европы»⁴⁴. «Морфологическое учение о формах завершилось в политической философии апофеозом государства»⁴⁵ Тем не менее, Фелькен не склонен считать Шпенглера сторонником сословного государства⁴⁶.

Фелькен, возвращаясь к теории цезаризма Шпенглера, отмечал, что цезаризм выступал у него, с одной стороны, как политическая форма в хаосе бесформенности и истинный продукт цивилизации. С другой стороны, цезарь, по Шпенглеру, это человек, который может преодолеть и победить демократию⁴⁷. По мнению Фелькена, в основе всех рассуж-

⁴¹ В частности, известная монография директора архива Шпенглера в Баварской государственной библиотеки в 1960-х гг. Антона Мирко Коктанека, которая, несмотря на свою фундаментальность, создана в описательном ключе: *Koktanek*. 1968.

⁴² *Felken*. 1988. S. 195.

⁴³ *Ibid.* S. 246.

⁴⁴ *Ibid.* S. 126.

⁴⁵ *Ibid.* S. 127.

⁴⁶ *Ibid.* S. 127.

⁴⁷ *Ibid.* S. 129.

дений Шпенглера лежала идея о том, что демократия – враг культуры и, наоборот, аристократия – ее защитник⁴⁸.

Голландский исследователь Фритц Ботерман избрал для трактовки творчества Шпенглера социально-психологический подход. Особенности мировоззрения Шпенглера Ботерман связывает со спецификой его социального происхождения из среды мелкой буржуазии⁴⁹. Эти особенности, главная черта которых – психологическая маргинальность, были присущи всем консервативным интеллектуалам поколения Шпенглера и «консервативных революционеров». Ментально это поколение так и не смогло перед 1914 годом интегрироваться в кайзеровский рейх⁵⁰. Ботерман объясняет культурпессимизм Шпенглера процессом социально-психологической дезинтеграции «буржуазии от образования» (*Bildungsbürgertum*) и потерей социального статуса ее представителей из-за падения престижа классического гуманитарного образования в Германии начала XX в.⁵¹. Поскольку культура в значении классической науки, высокого искусства и литературы не давала больше опоры ни в моральном, ни в социальном плане, Шпенглер отвернулся от гуманистических идеалов и увлекся идеями антиинтеллектуальной философии жизни. Его неприятие современной ему академической и культурной элиты было основано, с одной стороны, на недоверии к представителям культурного истеблишмента кайзеровского рейха, с другой – на отрицание модернистских направлений в культуре, которые он связал с понятием «цивилизация», и которые, по его мнению, противоречили немецкому духу⁵².

Индивидуальные и социально-культурные факторы, оказавшие влияние на духовное и интеллектуальное развитие Шпенглера, Ботерман тесно связывал с политическими, а именно: с потерей политического влияния в немецком обществе поздней кайзеровской империи интеллектуалов «старого» среднего класса. Снижение политического веса гуманитарной интеллигенции произошло в результате ряда факторов: возникновения «нового» среднего класса, представленного инженерно-технической интеллигенцией, развития социал-демократического рабочего движения, вторжением в политику масс. Таким образом, «давление на консервативную элиту Германии, которой Шпенглер доверял, усили-

⁴⁸ Ibid. S. 206.

⁴⁹ *Boterman*. 1992. S. 353.

⁵⁰ Ibid. S. 354.

⁵¹ Ibid. S. 354.

⁵² Ibid. S. 355-356.

валось»⁵³. Согласно Ботерману, представления Шпенглера о мире были во многом обусловлены теми проблемами, с которыми столкнулась немецкая «буржуазия от образования» на рубеже веков, как специфическая профессионально-общественная группа, что способствовало возрождению в ее среде наиболее консервативных тенденций. В частности, «Закат Европы» написан Шпенглером в духе аполитичной традиции немецких интеллектуалов, характерными чертами которой были претензия на универсальность и примат духовных ценностей над политическими. Шпенглер находился под сильным влиянием неоромантического движения, направленного против рационализма и позитивизма⁵⁴. Соответственно, создание Веймарской республики Шпенглер воспринял болезненное, чем крах не совсем удовлетворявшего его кайзеровского рейха. «Веймарская республика была для него результатом немецкого поражения и Ноябрьской революции и означала победу либерализма и социализма»⁵⁵. Переход Шпенглера в лагерь «консервативной революции» был предопределен. «Революционные консерваторы» стремились посредством духовной революции и политической активности возродить потерянные духовные и политические идеалы консерватизма: единство, авторитет, иерархию. Своими политическими идеями Шпенглер несет ответственность за гибель Веймарской республики⁵⁶.

Политолог Михаэль Тхондал, характеризуя понимание Шпенглером современной ему политической ситуации, отмечал, что автор «Заката Европы» использовал две политические категории «левое» и «правое», которые, на его взгляд, наиболее точно отражали суть политических процессов при переходе от культуры к цивилизации⁵⁷. Борьба между левыми и правыми является предвестником стадии цезаризма. Таким образом, согласно Тхондалю, «представление о переходе западной цивилизации к цезаризму определяет оценку Шпенглером современной ему политики»⁵⁸.

В 1990-е гг. на волне нового интереса к наследию Шпенглера предпринимается опыт интернационально-компаративного рассмотрения его основных философско-исторических, культурологических и политических идей. В данном случае речь идет о сборнике «Случай

⁵³ Ibid. S. 356.

⁵⁴ Ibid. S. 356-357.

⁵⁵ Ibid. S. 360.

⁵⁶ Ibid. S. 363.

⁵⁷ *Thöndl*. 1993. S. 426.

⁵⁸ Ibid. S. 429.

Шпенглера: критический итог»⁵⁹. Наряду со своими немецкими коллегами в сборнике приняли участие видные шпенглероведы и специалисты по немецкому консерватизму из других стран: француз Жильбер Мерлио, итальянец Массимо Феррари Цумбини, американцы Джон Фарренкопф и Джеффри Херф. Проблема анализа и критики политических взглядов Шпенглера заняла в сборнике не последнее место.

По мнению Фарренкопфа, «Закат Европы» следует рассматривать не только как новаторскую книгу по философии истории, но и как труд, призванный дать немецкой элите рекомендации по искусству управления государством⁶⁰. «Философия мировой истории Шпенглера изначально была черновиком для того, чтобы подготовить инновационные формы немецкой *Realpolitik*», – утверждает он⁶¹. Шпенглер, по Фарренкопфу, попытался соединить три великие немецкие интеллектуальные традиции: философию истории, культуру пессимизма, *Realpolitik*⁶².

Мерлио полагает, что Шпенглера можно читать и воспринимать исходя из двух противоположных подходов. Представители первого рисуют образ мыслителя, стоявшего между кайзеровским рейхом и национал-социализмом. Шпенглер воспринимается как экстремистки настроенный националист, главный представитель «консервативной революции», оказавший непосредственное влияние на духовный климат времени и идеологически подготовивший национал-социализм. Странники второго подхода вырывают немецкого мыслителя из социально-политического контекста времени и сосредотачивают внимание на достижениях Шпенглера в области философии истории и культуры. В противоположность обоим подходам, Мерлио считает, что отделить националистические взгляды Шпенглера от его философии истории и культурфилософии практически невозможно. Эти взгляды радикализируют его основные идеи и во многом лишают их достоверности и теоретико-познавательного содержания. Но именно такой гремучий синтез как раз и составляет основу неослабевающего интереса к Шпенглеру⁶³.

Непосредственно анализу публицистики Шпенглера была посвящена статья леволиберального немецкого историка и публициста Клеменса Волльнхальса. Десятилетием ранее он опубликовал статью «Освальд Шпенглер и национал-социализм: дилемма революционного консерватора», в которой представил весьма радикальную трактовку

⁵⁹ Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz. 1994.

⁶⁰ Farrenkopf. 1994. S. 45-46.

⁶¹ Ibid. S. 72.

⁶² Ibid. S. 73.

⁶³ Merlio. 1994. S. 115-116.

феномена «консервативной революции»⁶⁴. В «Случае Шпенглера» Волльнхальс предпринял попытку комплексного рассмотрения эволюции политических взглядов Шпенглера на основе его публицистики.

Во-первых, для Волльнхальса очевидно наличие изначальной политической установки в главном труде Шпенглера «Закат Европы»⁶⁵. Во-вторых, он предлагает фрейдистское объяснение политических взглядов Шпенглера, ссылаясь на то, что истоки его мировоззрения находятся в несчастливом детстве и одинокой юности⁶⁶. В-третьих, он все же признает, что публицистика Шпенглера не выходила за рамки немецкой интеллектуальной и политической традиции неприятия либерализма. Ее «ослепительное воздействие» (выражение автора) основано на духовном кризисе, поразившем немецкое общество после мировой войны и Ноябрьской революции. Неслучайно публикация знаменитых политических трудов Шпенглера «Пруссачество и социализм» и «Годы решений» совпала с началом и концом Веймарской республики⁶⁷.

Фигура Шпенглера, как одного из ведущих идеологов «консервативной революции», оказалась в центре внимания и в трудах, определивших современное состояние германской историографии «консервативной революции». По мнению известного социолога Рольфа Питера Зиферле, Шпенглер в своем учении о культурно-исторических типах одновременно использовал два подхода к пониманию культуры: релятивистско-исторический и эмфатическо-нормативный⁶⁸. Характеризуя подлинное отношение Шпенглера к проблеме наступления цивилизации, Зиферле писал: «Мировая война окончательно показала, какие цивилизационные силы будут доминировать в будущей мировой империи: англосаксонский разбойничий капитализм или по прусски организованный социализм [...] таким образом, речь шла о противоречиях внутри современной цивилизации, но ни в коем случае о реакционной охранительной борьбе против самой цивилизации»⁶⁹. По мнению Зиферле, вопрос о возвращении к предцивилизационному состоянию общества не стоял для Шпенглера на повестке дня. Политические сочинения, написанные Шпенглером в первые годы Веймарской республики, служили объяснению и пропаганде исторической миссии Германии. В них речь шла о дальнейшем развитии «идей 1914 года», но переработанных с

⁶⁴ *Vollnhals*. 1984.

⁶⁵ Мы используем вторую редакцию статьи. См.: *Vollnhals*. 2005. S. 118.

⁶⁶ *Ibid.* S. 136.

⁶⁷ *Ibid.* S. 136.

⁶⁸ *Sieferle*. 1995. S. 108.

⁶⁹ *Ibid.* S. 111.

учетом политической ситуации после поражения в войне в программу особого немецкого пути, которая синтезировала пруссачество и социализм, организацию и сообщество, этику долга и служение делу⁷⁰.

Зиферле следующим образом трактует взгляды Шпенглера на демократию и цезаризм. Шпенглер, следуя традиции консервативной критики цивилизации, считал, что переход к цивилизации есть переход от формы к бесформенности, от сословного порядка к современному массовому обществу парламентской и партийной демократии. Парламентская демократия была, по мнению Шпенглера, формой распада сословного порядка. Установление парламентской Веймарской республики означало крушение специфической прусской традиции. Парламентская демократия основана на господстве денег и плутократии. Парламентаризм – просто фасад, за которым стоят интересы узкого круга капиталистической элиты. Парламентская демократия рано или поздно неизбежно должна закончиться хаосом и перейти в диктатуру цезаря. Предпосылки цезаризма находятся в бунте традиционной элиты против плутократии. Цель цезаризма – захват власти. Цезаризм должен возникнуть на основе синтеза посткапиталистического социализма и предкапиталистической этики долга. В разработке такого типа цезаризма состоит особая историческая миссия Германии⁷¹.

Во время и после Первой мировой войны Шпенглер усматривал внутрививилизационные противоречия в конфронтации прусского социализма с англосаксонской плутократией. На конечной стадии Веймарской республики Шпенглер видел главного врага немецкой нации в революционном движении и пролетариате, который явно вступал в противоречие с его концепцией заката в духе прусско-социалистического цезаризма⁷². В этом отношении Шпенглер не делал различия между либеральной, большевистской и национал-социалистической идеологиями. Они являлись для него выражением системы господства партий. Даже итальянский фашизм не был для него истинным цезаризмом, хотя, по мнению Зиферле, в образе Муссолини Шпенглер видел более значительный тип вождя, чем, например, в фигуре Гитлера. Зиферле отмечает неоднозначность восприятия Шпенглером нацизма. С одной стороны, он поддержал Гитлера и нацистское движение как единственно возможный вариант ликвидации Веймарской республики. С другой стороны, его пугал массовый характер нацистского движения⁷³.

⁷⁰ Ibid. S. 112.

⁷¹ Ibid. S. 114-115.

⁷² Ibid. S. 127-128.

⁷³ Ibid. S. 128.

Штефан Бройер, исходя из своей классификации политических течений немецкого консерватизма с 1871 по 1945 гг., относил Шпенглера к «планетарным империалистам» на основании его пропаганды идеи всемирного величия Германии. Правда, Бройер уточнил, что идеи планетарного империализма характерны только для раннего творчества Шпенглера, а в последних работах «Человек и техника» и «Годы решений» Шпенглер отходит от идей планетарного империализма, усомнившись в способности человека фаустовской культуры справиться с технической мощью и порождениями собственной технической мысли⁷⁴.

Раймонд фон Бусше, на основе своей концепции о значении аполитичного подхода к действительности в идеологии немецкого консерватизма, отводит Шпенглеру главную роль в формировании метаполитических представлений и обосновании аполитичной позиции немецкого консерватизма после первой мировой войны. Он называет Шпенглера «авангардистом». Политический авангардизм Шпенглера базируется на трех концептуальных положениях. Во-первых, он был первым мыслителем, обнаружившим, что политические проблемы могут иметь более глубокую основу, чем просто проявление определенных событий. Во-вторых, культурфилософия Шпенглера явилась первым опытом создания целостной метаполитической конструкции в германском консерватизме периода Веймарской республики. В-третьих, он дал звучный тезис-лозунг «Заката Европы», который стал символом консервативного движения в Веймарской Германии⁷⁵. «Метаисторическое учение Шпенглера о закате культур является псевдоисториографическим выражением его бегства в область метаполитических спекуляций», – резюмирует Бусше⁷⁶. Интеллектуальная операция по трансформации консерватизма из охранительно-защитного в наступательное и современное политическое направление была проведена Шпенглером в целях возможности метаполитических спекуляций с политическими понятиями⁷⁷. Политизация аполитичности обнаруживается у Шпенглера в том, что он возводит иррациональные декорации в современной политической теории. «Политические взгляды Шпенглера опирались не на систему рационального доказательства, а на сконструированные им метаполитические принципы: “раса”, “кровь”, “душа и тело истории” и т.д.», что стало примером для других немецких консервативных теоретиков после 1918 г.⁷⁸.

⁷⁴ Breuer. 1999. S. 127.

⁷⁵ Bussche. 1998. S. 119-120.

⁷⁶ Ibid. S. 122.

⁷⁷ Ibid. S. 123.

⁷⁸ Ibid. S. 125.

Касаясь взаимосвязи философии истории Шпенглера с его политическими воззрениями Бусше считал, что в своем учении о неизбежности упадка культур Шпенглер не желал реставрации политических институтов прошлого. «Он стремился к возможности возвращения к аполитичному бытию»⁷⁹. В итоге новое понимание Шпенглером демократии и социализма привело к искажению их политического содержания. Шпенглер превратил демократию в главного врага аполитичного общественного бытия. Он связывал ее с англо-французским образцом, считая его непригодным для Германии. Германия имеет собственный путь исторического развития, который Шпенглер, по мнению Бусше, связывал с идеей «прусского социализма» как интегративной идеологией, способной объединить все сословия. Но, как пишет Бусше, «идеальное содержание “пруссачества” и “прусского социализма” оказывается по ту сторону шпенглеровского пафоса и его ожесточенной полемики против обозначенного врага [...] Где культурфилософ выдает себя как охранителя консервативной традиции, он становится разрушителем. Немецкие традиции, которые следовало поддерживать, были сведены им к минимуму. Из всех немецких традиций для Шпенглера имели смысл только прусская твердость, послушание и всеобщая служба государству, все другое, что также наполняло немецкую традицию? необходимо упразднить»⁸⁰. Бусше характеризует Шпенглера как прусского нигилиста.

Бусше рассматривает «Пруссачество и социализм» как побочный продукт работы Шпенглера над вторым томом «Заката Европы». По его мнению, «Пруссачество и социализм» наглядно свидетельствует о том, какие метаполитические теории можно вывести из, казалось бы, сугубо философского учения о закате культуры⁸¹. Шпенглер видел актуальный политический идеал в возрождении старопрусского этоса, основанного на повинении и службе государству. Консерватизм Шпенглера выражался не в следовании устаревшим политическим представлениям, а являлся современной и агрессивной идеологией, которая, с его точки зрения, была единственно возможной в условиях Веймарской Германии. «Шпенглер стал первым после 1918 года мыслителем, использовавшим неполитические ценностные представления прусско-немецкого прошлого для того, чтобы синтезировать их в качестве политически легитимных ценностей будущего и в связи с современной политической теорией»⁸². Характеризуя понимание Шпенглером политического бытия

⁷⁹ Ibid. S. 128.

⁸⁰ Ibidem.

⁸¹ Ibid. S. 122.

⁸² Ibid. S. 123.

немецкого народа, Бусше констатировал: «Немецкий народ был для него специфическим “монархическим” народом или специфическим “вождистским” народом, который в силу исторических, географических и расовых основ передавал политические решения в руки вождя»⁸³.

Бусше считает представления об эпохе цезаризма квинтэссенцией политической философии Шпенглера. Только цезаризм в его консервативном исполнении был способен преодолеть «анархические тенденции либерализма»⁸⁴. Касясь критики Шпенглера относительно Веймарской республики, Бусше выделяет три основополагающих мотива его негативного отношения к Веймару. Первое, военное поражение было результатом предательства и неповиновения. Второе, демократия не знает понятия государства и она не является немецкой государственной формой. Третье, раздробленность политических партий раскалывает общество и делает невозможной проведение сильной внешней политики.

Говоря о роли идей Шпенглера, Бусше пишет: «Его интеллектуальный вклад в политизацию аполитичности и его влияние на консервативную мысль после 1918 г. невозможно переоценить»⁸⁵. «Закатом Европы» он поставил вопрос о новой легитимации аполитичной позиции, а концепция «прусского социализма» стала политическим следствием его философии истории⁸⁶. Для него немецкий народ был специфически монархическим народом, который в силу исторических, географических и расовых основ передавал политические решения в руки вождя⁸⁷.

В 2000-е гг. накал научной полемики вокруг наследия Шпенглера начинает снижаться. Несмотря на продолжающийся издательский поток шпенглеровских работ, большинство работ о нем носят либо пропедевтический, либо публицистический характер и не вносят ничего нового в интерпретацию его идей⁸⁸. На волне подъема «новых правых» Шпенглер становится для них одной из культовых фигур «консервативной революции», к которой они обращаются, и наследие которой они пропагандируют. В 2005 г. ведущий современный политико-теоретический журнал «новых правых» «Сецессион» посвящает Шпенглеру отдельный номер⁸⁹.

На этом фоне популяризации интеллектуального наследия Шпенглера, труд австро-немецкого философа, боснийского происхождения,

⁸³ Ibid. S. 135.

⁸⁴ Ibid. S. 137.

⁸⁵ Ibid. S. 129.

⁸⁶ Ibid. S. 130-131.

⁸⁷ Ibid. S. 135.

⁸⁸ См., напр.: *Tartsch*. 2001; *Lisson*. 2005; *Conte*. 2004.

⁸⁹ *Sezession...*

Самира Османцевича, несомненно, представляет интерес⁹⁰. Анализ основных идей Шпенглера позволил Османцевичу сделать, на наш взгляд, верное замечание о том, что актуальность интеллектуального наследия Шпенглера заключается не в тех ответах, которые давал он сам, а в тех вопросах, которые являются прямым следствием его философско-исторической системы⁹¹. Османцевич стремится снять с политических взглядов Шпенглера налет ультрамодерности, который наносили на немецкого мыслителя в последние десятилетия XX в. Под его пером Шпенглер предстает монархистом, ностальгирующим по Пруссии, противником марксизма, либерализма и демократии, достойным наследником Бисмарка⁹². Тем не менее, Османцевич не разделяет точку зрения о виновности Шпенглера и других «консервативных революционеров» в идейной подготовке национал-социализма⁹³.

То, что Шпенглер высказывал в своих политических сочинениях, было, по мнению Османцевича, прямым следствием его философии истории, способом актуализации текущих политических событий. В частности, концепцию «прусского социализма» Османцевич трактует не как системную политическую теорию, а как попытку Шпенглера выразить образ немецкого национального характера⁹⁴. По Османцевичу, любое рассмотрение политических взглядов Шпенглера должно исходить из тезиса о том, что он был великим немецким националистом⁹⁵.

Таким образом, рассматривая роль Шпенглера как идеолога «консервативной революции», нельзя не согласиться с выводом Бусше о том, что интеллектуальный вклад Шпенглера в придание германскому консерватизму новой идейно-ценностной легитимации трудно переоценить. Однако при этом не следует забывать об особом положении Шпенглера в рядах младоконсерваторов, которое было связано, очевидно, с тем, что он не разделял политического романтизма и энтузиазма большинства «революционных консерваторов» (и не только младоконсерваторов) о скором крахе ненавистной Веймарской республики и наступлении долгожданного Третьего рейха. Шпенглер, исходя из своей философии истории, предпочитал занимать позицию героического пессимиста и трезвого политического аналитика. По мнению Карлхайнца Вайссмана, как в случае с его философией истории, так и в отношении

⁹⁰ *Osmancevic*. 2007.

⁹¹ *Ibid.* S. 137.

⁹² *Ibid.* S. 101.

⁹³ *Ibid.* S. 102.

⁹⁴ *Ibid.* S. 112.

⁹⁵ *Ibid.* S. 201.

идеологии «консервативной революции» Шпенглер, несмотря на влияние, занимал определенную дистанцию по отношению к другим ее представителям⁹⁶. К. Вольнхальс, подчеркивая особое место Шпенглера в «консервативной революции», называет его «элитарным одиночкой» в кругу «революционных консерваторов»⁹⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артамошин С. В.* О. Шпенглер и «консервативная революция» в Германии // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 148-154.
- Афанасьев В. В.* Либеральное и консервативное // О. Шпенглер. Политические произведения. М.: Канон+РОИИ Реабилитация, 2009. С. 223-526.
- Давыдов Ю. Н.* Шпенглер и война // Вопросы литературы. 1983. № 8. С. 76-113.
- Патрушев А. И.* Миры и мифы Освальда Шпенглера (1880–1936) // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 122–144.
- Сендеров В.* Кризис современного консерватизма // Новый мир. 2007. № 1. С. 117-151.
- Шпенглер О.* Годы решений / Пер. с нем. В. В. Афанасьева; Общая редакция А. В. Михайловского. М.: Скимень, 2006.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998.
- Шпенглер О.* Пруссачество и социализм / Пер. с нем. Г. Д. Гурвича. М.: Праксис, 2002.
- Boterman F.* Oswald Spengler en Der Untergang des Abendlandes: Cultuurpessimist en politiek activist. Assen-Maastricht: Uitgeverij Van Gorcum, 1992.
- Breuer S.* Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993.
- Breuer S.* Grundpositionen der deutschen Rechten 1871–1945. Tübingen: Ed. Diskord, 1999.
- Bussche R. von dem.* Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1998.
- Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. Köln, Weimer, Wien: Böhlau, 1994.
- Conte D.* Oswald Spengler: eine Einführung. Leipzig: Leipziger Univ.-Verlag, 2004.
- Eckermann K. E.* Oswald Spengler und moderne Kulturkritik. Bonn: Univ., Diss., 1980.
- Farrenkopf J.* Klio und Cäsar. Spenglers Philosophie der Weltgeschichte im Dienste der Staatskunst // Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. Köln, Weimer, Wien: Böhlau, 1994. S. 45-73.
- Felken D.* Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München: Beck, 1988.
- Gerstenberger H.* Der revolutionäre Konservatismus: ein Beitrag zur Analyse des Liberalismus. Berlin: Duncker & Humblot, 1969.
- Klemperer K. von.* Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München: Oldenbourg, 1962.
- Koktanek A. M.* Oswald Spengler in seiner Zeit. München: Beck, 1968. XXVII.

⁹⁶ *Weißmann.* 2005. S. 25.

⁹⁷ *Vollnhals.* 2005. S. 137.

- Lenk K.* Deutscher Konservatismus. Frankfurt a. M., 1989.
- Lisson F.* Oswald Spengler: Philosoph des Schicksals. Schnellroda: Ed. Antaios, 2005.
- Lübbe H.* Vorwort // Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. München, 1980. S. VII-XI.
- Lübbe H.* Historisch-politische Exaltationen. Spengler wiedergelesen // Spengler heute Hrsg. von Ch. Ludz. München, 1980. S. 1-24.
- Merlio G.* Über Spenglers Modernität // Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. Köln, Weimer, Wien: Böhlau, 1994. S. 115-116.
- Mohler A.* Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932 : Grundriss ihrer Weltanschauungen. Stuttgart: Vorwerk, 1950.
- Möller H.* Oswald Spengler – Geschichte im Dienste der Zeitkritik // Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. München, 1980. S. 49-73.
- Osmancevic S.* Oswald Spengler und das Ende der Geschichte. Wien: Verlag Turia+Kant, 2007.
- Pfahl-Traughber A.* Konservative Revolution und Neue Rechte: rechtsextremistische Intellektuelle gegen den demokratischen Verfassungsstaat Opladen: Leske und Budrich, 1998.
- Sezession. – Oswald Spengler (Sonderdruck). Mai 2005.
- Sieferle R. P.* Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1995.
- Sonthheimer K.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918–1933. 3. Aufl. München: Beck, 1992.
- Spengler O.* Neubau des Deutschen Reiches. München: Beck, 1924.
- Spengler O.* Politische Schriften. München: Beck, 1933. XII.
- Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. München: Beck, 1980.
- Tartsch T.* Denn der Mensch ist ein Raubtier: eine Einführung in die politischen Schriften und Theorien Oswald Spenglers. Datteln, Am Mühlenbach: Verlag Books an Demand GmbH, 2001. S. 202.
- Thöndl M.* Das Politikbild von Oswald Spengler (1880–1936) mit einer Ortsbestimmung seines politischen Urteils über Hitler und Mussolini // Zeitschrift für Politik. 1993. № 4. S. 418-443.
- Vollnhals C.* Oswald Spengler und Nationalsozialismus. Das Dilemma eines konservativen Revolutionärs // Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte, Tel Aviv 13, 1984. S. 263-303.
- Vollnhals C.* Praeceptor Germaniae. Spenglers politische Publizistik // Völkische Bewegung – Konservative Revolution – Nationalsozialismus. Aspekte einer politisierten Kultur / Hrsg. von W. Schmitz, C. Vollnhals. Dresden: Thelem, 2005. S. 117-137.
- Weißmann K.* Spengler und die Konservative Revolution // Sezession (Sonderdruck). Oswald Spengler, Mai 2005. S. 19-25.
- Zumbini M. F.* Untergänge und Morgenröten: Nietzsche – Spengler – Antisemitismus. Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann, 1999.

Терехов Олег Эдуардович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета; terehov1968@mail.ru.